

А. В. Скрипник

Томск, Россия

**ПРОБЛЕМА ИСТИННОСТИ И ИЛЛЮЗОРНОСТИ
МИРАЖНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ГЕРОЯ
(«СИЛЬФИДА» В. Ф. ОДОЕВСКОГО
И «ОПАЛ» И. В. КИРЕЕВСКОГО)**

В центре повестей Одоевского и Киреевского находятся герои, обретшие свое истинное предназначение в иллюзорно-мистическом мире. Духи, являющиеся в виде галлюцинаций и сновидений (сильфида и Музыка Солнца), приоткрыв завесу истинного знания, разрушили реальную жизнь героев. У Одоевского повесть имеет сложную композиционную организацию, проводящую грань между письмами героя и монологом сильфиды. У Киреевского повесть содержит подзаголовок «волшебная сказка», а повествование и описание волшебного мира выдержано в сказочном русле, где сон и реальность героя сливаются воедино. В обоих случаях истинным является иллюзорный мир, так как именно в нем герои постигают тайны высшей гармонии, новые формы искусства, обретают свою человеческую ипостась, познают любовь, готовятся к осознанию истинной сути бытия.

Ключевые слова: жанр записок, проблема миражного существования, сумасшествие, познание, сновидения, галлюцинации.

Различные вариации мотива миражного существования широко представлены в литературе первой трети XIX века. Сюда можно отнести, прежде всего, «Петербургские повести» Н. В. Гоголя, где «все не то, чем кажется», произведения В. Ф. Одоевского, Е. А. Баратынского, И. В. Киреевского, Е. П. Гребенки и др. В нашей работе будут рассмотрены повести Одоевского и Киреевского с точки зрения специфики миражного существования героя (и его галлюцинаций) и связи этого существования с жанровой характеристикой произведений.

Несмотря на формальную принадлежность «Сильфиды» и «Опала» к жанру повести, оба произведения имеют и другие жанровые характеристики. В частности, жанр «Опала» сам автор определяет как «волшебная сказка», что сразу снимает любые вопросы о причинах необычности происходящего. «Сильфида» имеет сложную полижанровую структуру. Автор определяет жанр повести в подзаголовке – фрагменты «из записок благоразумного человека». Генезис формы «записок» восходит к традиции эпистолярного романа: Михаил Платонович, находясь в деревне, пишет семь писем своему другу. Далее в повести появляется вставной элемент – «текст в тексте» – за седьмым письмом Михаила Платоновича следует письмо его будущего тестя Реженского. Затем повествование ведется от лица дру-

Скрипник Алена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Томского государственного педагогического университета (ул. Киевская, 60А, Томск, 634061, Россия, blackstrawberry@mail.ru)

га Михаила Платоновича и озаглавлено «Рассказ». В рассказ включены отрывки из журнала героя, где описывается его встреча с сильфидой. Повествование в журнале – диалог сильфиды и Михаила Платоновича. Заканчивается повесть коротким эпилогом автора.

Таким образом, Михаил Платонович является автором большей части повести: писем и журнала. Тематика записей меняется одновременно с мировоззрением героя: если в начале повести его письма проникнуты скепсисом, сплинном и иронией над окружающими, то по мере вхождения в мир сильфиды, кругозор Михаила Платоновича расширяется, что отражено в журнале: возникает мотив «травелога души». Физически находясь в замкнутом пространстве своей комнаты, герой путешествует духовно, его проводником в высший мир становится сильфида.

Рассказ друга Михаила Платоновича обрамляет отрывок из журнала героя. В связи с его образом возникает вопрос об авторе повести – благомыслителем, заявленном в подзаголовке. Благомыслителем автор называет друга, поэтому логично предположить, что именно он является автором записок, и в данном случае имеет место цитирование им дискурса Михаила Платоновича: его письма и журнал являются вставной конструкцией в записки благомыслителя человека, являющегося актором в «Рассказе». Его повествование лишено рефлексии, оно лишь описывает происшедшее с героем с точки зрения благомыслителя и общепринятых норм. В данном случае форма «записок» оказывается максимально полисемантической, вбирая в себя различные жанровые образования – письма, журнал, рассказ, – и восходит уже не к традиции «клочков из записок», а к эпистолярному роману.

Переплетение различных жанровых образований в тексте повести тесно связано с проблемой миражного существования героя. Его выход за пределы философии благомыслителя (зачатки которой встречаем в письмах героя другу) ознаменован жанровой формой «журнала», или дневника, в котором Михаил Платонович описывает моменты озарения – познавательно-мистического экстаза, испытанного им в миражном мире сильфиды.

Миражное существование героев обеих повестей закономерно связано с опалом, поскольку опал с древности был символом непостоянства. Опал символизирует переменчивую судьбу, но в то же время обостряет интуицию и способствует вдохновению [1, с. 55]. Кроме того, он считался магическим, опасным камнем обмана [2, с. 178]. Его цвет неопределенен, он весь состоит из переливов. Опал становится той границей, которая отделяет реальное существование от миражного и способствует появлению галлюцинаций.

В «Сильфиде» опал претерпевает метаморфозу: превращается в розу, на лепестках которой герой и увидел сильфиду. Роза – символ завершенности, полноты и совершенства, а форма ее полураспустившегося бутона стала образом кубка с эликсиром вечной жизни. Кроме того, роза символизирует вечно меняющийся и открывающийся новыми гранями мир. Еще роза – символ женственности, духовной любви и, как и опал, источник вдохновения [3, с. 418–420]. Поэтому именно на лепестках розы Михаил Платонович увидел сильфиду – символ знания, творчества и любви. В этот момент начинается постепенное приближение героя к пониманию своего предназначения: он считает себя избранным, способным постичь истинное знание, которое требует жертв: «Решившись исследовать до конца все таинства природы, я прерываю сношения с людьми; другой, новый, таинственный мир для меня открывается; <...> я предназначен к великому в этой жизни!» [4, с. 117].

Так заканчивается последнее, седьмое, письмо героя другу, а описание миражного существования требует другой жанровой формы и представлено в виде отрывков из журнала (дневника) Михаила Платоновича, включенных в рассказ его

друга. Журнал фиксирует различные грани реального и иллюзорного мира, проводником по которому становится сильфида. Это мир, расположенный в «душе души», в нем правит мысль человека, жизнь полна гармонии и поэзии, нет страдания. Если в человеческом мире правят благоразумие, приличия и пошлость, поэзия отодвинута на второй план, поэт признан сумасшедшим, а истина забыта, то «здесь жизнь поэта – святыня! здесь поэзия – истина!» [4, с. 123] (курсив автора. – А. С.). Таков волшебный мир на первой ступени, но «есть еще другой, высший мир, там самая мысль сливается с желанием» [4, с. 123]. Описать подробно высший мир герой не смог, остались лишь разрозненные слова. Видимо, Михаил Платонович еще не успел подняться на вторую ступень познания. Заканчивается журнал непонятными буквами, которые, вероятно, и являются символами языка этого мира.

Сильфида увлекла героя в свой мир, сделав невменяемым, по мнению окружающих. В этом мире он познал истину, которая, с точки зрения Одоевского, доступна только исключительной личности, например поэту, поэтому Михаил Платонович, не способный ранее сочинять стихи, становится в некотором смысле поэтом и потенциально первооткрывателем такого искусства, которое еще не существует. С точки зрения истинных человеческих представлений о творчестве, лишь миражное существование оказывается истинным.

Таким образом, в повести Одоевского разные жанровые формы репрезентируют разные типы существования героя: письма Михаила Платоновича, письмо Реженского, рассказ друга отражают философию благоразумия и являются репрезентантом реального существования героя, тогда как его журнал – репрезентант миражного существования, «неистинного», с точки зрения благоразумных героев, и «истинного», с точки зрения Михаила Платоновича и автора.

В «Опале» Киреевского нет подобной связи жанра и типа существования, но ключевой образ-символ, связанный с миражным существованием, вынесен в заглавие. Главный герой повести – царь Нурредин, – получив перстень с опалом, приобретает мнимую власть над возлюбленной, но, отдав ей перстень, теряет ее. Герой попадает в иллюзорный мир опала, в котором видит другую реальность. Для Киреевского миражный мир идеален, только он истинен, через него герою открываются вечные ценности: одна из них – любовь, которой он до сих пор был чужд. Этот мир наполнен романтическими символами: камень как воплощение судьбы, небо, солнце как воплощение недостижимой гармонии. Причем герой, в отличие от героя повести Одоевского, не предстает сумасшедшим, он вполне нормален, оправдать его галлюцинации помогает жанр волшебной сказки. С помощью опала Нурредин открывает для себя другие грани бытия, которые и должны в идеале существовать в мире. Не зная ни любви, ни гармонии, не видя красоты окружающего мира, он всю жизнь стремился лишь к славе, полученной ценой смерти других, и богатству. Но, попав в миражный мир, понял всю тщетность прежнего бездуховного существования.

Миражный мир охарактеризован в типично сказочном стиле: «...горы, насыпанные из граненых бриллиантов; огромные утесы из чистого серебра, украшенные самородными рельефами, изящными статуями, правильными колоннами, выросшими из золота и мрамора. <...> Там бьет фонтан вином кипучим и ярким» [5, с. 268]. Это описание напоминает высший мир, в который попал Михаил Платонович в «Сильфиде». Возникает образ сказочного, но истинного мира, в котором герой обретает человеческую ипостась. Царь Нурредин через свои иллюзии постигает тайну высшей гармонии. Ее открывает Музыка Солнца – девушка, которую он находит в своих иллюзиях.

Попав в этот мир, Нурредин не может понять, наяву все происходит или во сне. С утратой волшебного мира герой не утрачивает обретенную истину, для

него уже невозможен возврат к прежней жизни без любви, в чем заключается его отличие от героя Одоевского, ставшего благоразумным человеком: «Когда дорожил я властью, богатством и славою, умел я быть и сильным и богатым. Я лишился сих благ только тогда, когда перестал желать их. <...> Суета все блага земли! <...> лучшее, что есть в мире, это – мечта!» [5, с. 275–276].

Повесть Киреевского показывает истинность, необходимость обретения миражного мира героем.

Подводя итог, отметим, что в анализируемых повестях представлены различные варианты презентации миражного существования героев. В «Сильфиде» миражный (истинный) мир воспринимается читателем сквозь призму сознания героя, материальным отражением которого становится предельно откровенная жанровая форма журнала (дневника). Реальное (но неистинное, с точки зрения героя) существование вербализуется в жанровых формах эпистолярия и рассказа. В «Опале» отсутствует жанровая маркированность различных форм существования героя. И реальное, и миражное существование органично вписаны в жанр волшебной сказки, но при этом истинным, как и в «Сильфиде», оказывается иллюзорный мир.

Список литературы

1. Драгоценные камни. Свойства. Астрология. Литотерапия. СПб., 2002.
2. Карпов А. А. «Перстень» Баратынского и «Повести Белкина» // Концепция и смысл. СПб., 1996. С. 171–185.
3. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 2000.
4. Одоевский В. Ф. Сильфида // Одоевский В. Ф. Соч.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 2. С. 106–126.
5. Киреевский И. В. Опал // Европеец. Журнал И. В. Киреевского. 1832. М.: Наука, 1989. С. 260–276.

A. V. Skripnik

Tomsk, Russian Federation

THE PROBLEM OF THE VERITY OR ILLUSORY OF HERO'S MIRAGE OF EXISTENCE («THE SYLPH» OF V. F. ODOEVSKY AND «THE OPAL» OF I. V. KIREEVSKY)

Odoevsky's and Kireevsky's stories deal with heroes which find their true mission in the illusory-mystic world. The ghosts which appeared as hallucinations and dreams (the sylph and the Music of the Sun) slightly opened a veil of true knowledge and broke down real life of heroes. Odoevsky's story has a difficult composition which draws the line between hero's letters and sylph's monologue. Kireevsky's story has a subtitle «a fairy tale». The narration and the description of the magic world are in the fairy style where dreams and reality are the same. In the both stories the illusory world is true because in it heroes learn the secret of supreme harmony, new kinds of arts, find their human hypostasis, love, preparing for perception of the true essence of being.

Keywords: genre of notes, the problem of mirage of existence, cognition, madness, dreams, hallucinations.

Skripnik Alena V. – Candidate of Philology, Assistant Professor of Literature Department of Tomsk State Pedagogical University (60A Kievskaya Str., Tomsk, 634061, Russian Federation, blackstrawberry@mail.ru)